

Когда-то наша духовная жизнь держалась на трех китах: на Центральном детском театре, где работали А. Эфрос и О. Ефремов, на театре "Современник", который начал

свою жизнь с "Вечно живых", на другом кино, которое существовало для нас после фильма "Летят журавли". Три кита, но один драматург — Виктор РОЗОВ.

Автор пьес ЦДТ, "Современника", "Ленкома", Театра на Малой Бронной, Вахтангова и многих, многих других, ныне хорошо известных театров. В той, доперестроечной и дореформенной жизни мы были все вместе. На юбилее Виктора Сергеевича Розова в РАМТе мы тоже были вместе: коммунисты, демократы, патриоты, "яблочники".

— Виктор Сергеевич, с высоты 85 лет что-нибудь в жизни вам хотелось изменить, от чего-то отказаться, что-то добавить?

— Я не пил, не курил, с дамы на даму не перескакивал. Что еще вам сказать о моих добродетелях? Знаете, ничего не хотел бы менять: что досталось, то досталось, за все спасибо. Очень много было хорошего. С любовью мне повезло — одна на всю жизнь. Наденька была актрисой, у нас очень много общих интересов. Сын Сергей — режиссер, дочь Таня — актриса. Ей поначалу не повезло: играла в Театре на Малой Бронной, когда туда пришел Эфрос, но он ее как актрису "не увидел". Но однажды на вечер Татьяна читала стихи Цветаевой, Эфрос послушал и сказал: "Оказывается, она многое может". Сейчас Таня играет в разовых спектаклях во МХАТе. Зять Николай Скорик — режиссер в ефремовском театре, работает как вол, кроме спектаклей каждый год делает в Кремле великолепную елку. Внучка Настя — человек довольно закрытый, но тоже прибилась к театру. Есть еще внук Ваня, два с половиной года от роду, склонен к хулиганству, дерется. Он у меня, пусть родные не обижайтесь, самый любимый. Так что на жизнь грех жаловаться: люблю, любим, стал в конце концов драматургом, хотя не собирался этим заниматься.

— Как же так случилось, что вы стали писать пьесы?

— Знаете, вернулся домой в Кострому, только-только слез с костылей, холодно, голодно, сидел по вечерам в темной комнате с мигалкой, делать было нечего, потому и стал писать пьесу. Назвал ее "Вечно живые", тринадцать лет она была никому не нужна, а потом ее поставил "Современник" и начал этой пьесой свою жизнь. У некоторых моих пьес интересная жизнь. Например, инсценировку романа Гончарова "Обыкновенная история" я сделал еще в студенческие годы, когда учился в театральной школе тогдашнего Театра революции. Писал по ночам, ста-

рался, торопился, потому что тогда этот роман был очень популярен, а пьеса пошла только через 20 лет. Что само по себе диво.

— Вы — довольно успешный драматург, когда-нибудь вас за ваши пьесы ругали?

— Когда моя первая пьеса пошла в Центральном детском теат-

ре, меня очень за нее ругали. Говорили, что сентиментальна. Я не возражал, это действительно так, потому что я сам человек сентиментальный. Помню, после премьеры спускаюсь с лестницы, а навстречу мне Сергей Михалков: "Вы взяли зрителя запрещенным приемом, но взяли". Такая оценка меня тогда потрясла, ведь Михалков был уже тогда классиком детской драматургии.

— Вы с ним соперничали?

— Нет, он никогда не был мне соперником, что нам было делить?

— Вы с Михалковым отдавали в ЦДТ много пьес, какой спектакль из прошлых был лично для вас самым любимым?

— Все хорошие спектакли, актеры играли чудесно, режиссура была замечательной. Из сегодняшних спектаклей в этом театре мне нравятся "Маленький лорд Функлерой", "Капитанская дочка".

— Кто из современных драматургов вам особенно близок?

— Стыдно сказать, но я плохо знаю нынешних драматургов. Мои друзья, к сожалению, уже ушли. Арбузов, Штейн... Живы Алешин, Зорин, но видимся редко. Мне кажется, самый лучший драматург за весь советский и российский период — Вампилов. Очень творческий человек, его пьесы еще не раскрыты.

— Виктор Сергеевич, на вашем юбилее были люди абсолютно разных политических ориентаций: Зюганов, Рыжков, Швыдкой, Демин, очень теплое поздравление прислал Борис Николаевич Ельцин. Какова же ваша политическая ориентация, кто вы — коммунист, демократ, либерал?

— Никогда не был ни в какой партии, я человек аполитичный. Могу рассказать смешной эпизод из своей жизни. Однажды меня вызывает заместитель министра культуры и говорит: "У нас нет главного редактора журнала "Театр". Вы его возглавите!" Я возражаю: "Это не мое дело, я не знаю,

бы у вас была возможность обратиться к россиянам, что бы вы им сказали, что посоветовали?"

— Я бы не взялся за такое дело, потому что это очень трудно. Обращением не обойдешься, тут нужен долгий, сложный разговор. Но я — не мессия и не собираюсь идти по стопам Солженицына.

— А как же тогда быть с ролью интеллигенции, которая должна вести народ к единственно правильной цели?

— А никак. Интеллигенция не сможет объединить страну, пове-

Встреча для вас

— Уважением к старшим. Каждый год я езжу в Кострому на кладбище. Его нет, снесли, но я помню, где оно было. На том месте давно разбили парк, но я несу цветы к тому месту, где лежали родители. Мои родители были очень хорошие люди, никогда меня не били, не шпыняли. Маму мы любили, отца уважали за его строгость. Помню, бегаем по двору, мать зовет: "Борька, Витя, домой!" — мы никакого внимания. Но появится во дворе только тень отца, мы уже бежим бегом.

— Что сегодня делать юноше, обдумывающему житье?

— Читать классику. Например, очень рекомендую Достоевского. Только не пробежать его, а прочитать полстранички и подумать, прочитать следующие и еще раз подумать. Молодого человека пичкают с экранов ТВ столь разным, что как ему разобраться, как устоять?

— Виктор Сергеевич, во МХАТе на Тверской недавно поставили вашу пьесу "Ее друзья". Вы бывали на этом спектакле?

— Конечно. Я ходил смотреть на спектакль, а зал, полный молодых людей. Вот они входят в театр. Орава! Думаешь, на спектакле эти люди будут бросать бутылки, плевать жвачки, хихикать, орать. Но начинается спектакль — и гробовая тишина, все идет так, как будто это какой-то очень серьезный, классический театральный зал. Они, молодые, прежние, такие же, какими были и мы: откликаются на доброту, сострадание, смеются, где надо, плачут, когда это требуется. Они умеют переживать, и это великое дело, ведь настоящий человек живет душой, а не телом. Локк в своей книге "Мысли о воспитании" писал, что здоровый дух в здоровом теле — вот истинный предел счастья, возможного в этом мире. Раньше говорили: в здоровом теле — здоровый дух, теперь, если идет здоровое тело, лучше перейти на другую сторону.

— Не кажется ли вам, что именно сейчас герои ваших пьес нужны нынешним молодым? Что вы напишите в ближайшее время?

— Ничего.

— Вам нечего сказать?

— Просто я не хочу заниматься ни инсценировками, ни написанием новых пьес. Все вижу, все понимаю, а писать не хочу. Есть что сказать, но не хочу ничего делать.

— Получается?

— Получается.

С Виктором РОЗОВЫМ встречалась Виктория МОЛОДЦОВА.

Драматург на все времена

Российская газета. - 1998. - 26 авг. - с. 8

сти ее за собой. Да и не ее это дело. Интеллигенция, если это настоящее творчество, интеллигентная, формирует внутренний, духовный мир человека. Когда играл Рихтер, он поднимал тебя на небеса и ты там жил, делался счастливым. Вот занятие для творческих, способных людей. Сейчас это, правда, почему-то отходит на второй план.

— Между тем много споров о той идее, которая объединит Россию, об особой роли интеллигенции.

— Я человек старомодный, а потому считаю так: страну может объединить не идея, а семья. Это стержень государства. Если есть эти маленькие ячейки, то из хороших семей и будет состоять хорошее, единое, сплоченное государство. А если будут несчастные семьи, будет и несчастное государство.

— Русская семья всегда была сильна традициями. Семья ваших родителей чем была сильна?

как вести журнал!" "Попробуйте!" — уговаривает замминистра. "Хорошо, — говорю, — попробую, но учтите, могу вас подвести". Проходит неделя, он меня снова вызывает: "Виктор Сергеевич, вас ЦК КПСС не утвердил! Сказали, что вы человек неуправляемый и аполитичный!" Вот это моя точная характеристика. Я жил при царе, при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев, Горбачеве, сейчас живу при Ельцине. Все времена разные, но я знаю, что во все времена нужно уметь держать себя достойно, быть человеком. Все мои друзья — вне политики. Меня часто причисляют то к одному лагерю, то к другому, а на самом деле я только языком болтаю, откровенно говорю, что думаю, что вижу, но ни в какие Думы не пошел бы ни за что. Помню, в Союзе писателей выбирали депутата в первую еще Думу, кто-то предложил меня, так я вскочил и просто закричал: "Никогда, ни при каких обстоятельствах я туда не пойду!"

— Скажите, Виктор Сергеевич, а есть в нашем времени что-то лучше, чем в другие времена?

— У нас есть свобода высказывать то, что ты думаешь об общественном, политическом, любом другом явлении жизни, и это очень хорошо. Когда Горбачев и его соратники провозгласили "плюрализм мнений", это было единственное, что нам всем было нужно. Никто тогда не знал, что это благо будет использовать так, что свобода разведет всех нас по политическим квартирам.

— Вам — 85, вы — человек умудренный жизненным опытом. Если